

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ МЕНЯЕТ РЕПРОДУКТИВНУЮ СТРАТЕГИЮ ВИДА *HOMO SAPIENS* *

АНАТОЛИЙ ВИШНЕВСКИЙ

*Демографическая революция (демографический переход) приводит к изменению репродуктивной стратегии вида *Homo sapiens* и знаменует триумф К-стратегии, к которому вела вся эволюция жизни на Земле, включая и социальную эволюцию с момента возникновения человеческого общества. Этот универсальный переворот имеет исключительное значение для современного этапа человеческой истории. В статье рассматривается вопрос о причинно-следственных связях экономических, социальных и демографических изменений и оспаривается взгляд на перемены в массовом прокреативном или семейном поведении людей преимущественно как на прямое следствие экономических, социальных или культурных сдвигов. Подобные объяснения этих перемен избыточны, поскольку в главном демографическое поведение людей меняется в ответ на вызванное небывалым снижением смертности нарушение демографического равновесия и необходимость его восстановления. В то же время такие объяснения приводят к недооценке влияния демографических изменений на экономические, социальные и культурные составляющие развития современных обществ.*

Современное состояние теории демографического перехода затрудняет его видение как целостного автономного процесса, имеющего свою внутреннюю детерминацию и активно воздействующего на все социальные процессы, в том числе и на глобальном уровне. Глобальная логика теории демографического перехода часто подменяется локальной логикой, согласно которой эта теория должна подтверждаться опытом каждой отдельной страны.

В статье предпринята попытка преодолеть нынешнюю фрагментированность описания демографического перехода, распадающегося на множество «переходов» и «революций», и рассмотреть его как последовательность неизбежных крупных этапов единой глобальной «цепной реакции», запущенной снижением смертности.

Ключевые слова: демографический переход, первый демографический переход, второй демографический переход, третий демографический переход, эпидемиологический переход, рождаемость, смертность, миграция

СМЫСЛ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Означая то же самое, что «демографическая революция», термин «демографический переход» преобладает в научной литературе, мы также будем использовать его в этой статье, хотя в конце выскажем некоторые соображения в пользу первого термина.

Анатолий Григорьевич Вишнеvский, Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Россия.
E-mail: avishnevsky@hse.ru Статья поступила в редакцию в феврале 2014 г.

* В статье использованы результаты исследований, выполнявшихся в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013-2014 годах.

Примерно за 100 лет развития (если вести отсчет от статьи Адольфа Ландри [Landry 1909]), теория демографического перехода получила очень широкое признание. Она постоянно используется при объяснении и прогнозировании демографических процессов на всех уровнях – от локального до глобального и, несмотря на появляющуюся время от времени критику, объявляющую ее неверной, устаревшей и т.п. – см. напр., [Marchal 2008], несомненно относится к числу наиболее авторитетных социальных теорий – и может быть даже не только среднего уровня, как полагал в свое время Д. Коугил [Cowgill 1970: 633].

Однако широкое признание, способное сыграть злую шутку с человеком, может оказаться не менее пагубным и для теории. Оно способствует распространению теории вширь, но не вглубь, ведет к банализации теории и ее использованию больше для описания наблюдаемых фактов, нежели для их понимания. Отсюда – недооценка эвристических возможностей теории даже ее сторонниками, не говоря уже о ее поверхностных критиках.

Подавляющее число авторов довольствуются определением демографического перехода как движения от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к равновесию при низком уровне того и другого и сводят теорию к «модели», описывающей разные этапы (или стадии) этого движения. Разные авторы называют разное число таких стадий (4, 5 или 6), обсуждаются вопросы о факторах, действующих на каждом из этапов перехода, об уровнях рождаемости и смертности, отделяющих один этап от другого, о том, как и когда проходят через эти этапы разные страны (именно так описывается демографический переход, например, в рассчитанных на широкого читателя статьях Википедии). При этом обычно чрезмерно большое значение придается чисто количественным индикаторам перехода.

Все это облегчает упорядоченное описание наблюдаемых фактов и тенденций, но отнюдь не понимание стоящих за этими фактами и тенденциями глубинных перемен, которые при таком подходе вообще выпадают из поля зрения исследователей.

Нас же в этой статье интересуют в первую очередь качественные перемены, составляющие суть демографического перехода и расширяющие круг его последствий далеко за пределы чисто количественных изменений.

К сожалению, интерес к сути этих перемен нельзя отнести к мейнстриму литературы о демографическом переходе, хотя нельзя и сказать, что он полностью в ней отсутствует. Я мог бы сослаться, в частности, на свою давнюю книгу и более раннюю статью, повторяющие в своем названии заголовок книги А. Ландри [Вишневецкий 1973¹; Вишневецкий 1976]. Я писал, в частности, что «главное в демографической революции - это глубокие качественные изменения всей системы демографического регулирования, а потому и самого демографического процесса» [цит. по Вишневецкий 2005: 199]. Указав на переход от высокого уровня рождаемости и смертности к низкому уровню того и другого, я отмечал, что «воспроизводство населения поднимается на более высокую качественную ступень: оно становится несравненно более рациональным, эффективным, экономичным» [Вишневецкий 1973: 59]. Но наиболее удачным мне представляется определение, данное М.

¹ Эта статья была, кроме того, опубликована на английском, французском и два раза – на немецком языке [Wischnevski 1973; Vishnevsky 1974; Vichnevski 1974; Višnevskij 1980].

Ливи Баччи: «Демографический переход может быть охарактеризован как изменение системы, как переход от «диссипативной» системы, связанной с потерей демографической энергии (высокие рождаемость и смертность), к системе, «экономизирующей» эту энергию (низкие рождаемость и смертность)» [Livi Bacci 1995: 451].

Добавление всего нескольких слов, почти не снижая компактности определения, превращает его из чисто описательного в объяснительное, ибо указывает на эволюционную неравноценность до- и послепереходной ситуации и тем самым придает определению универсальность, подобную универсальности физических законов.

Понимаемый таким образом переход к новому типу демографического равновесия – небывалое в истории событие, равного которому не было. По сути, оно изменяет условия существования человека как вида. Сам человек в биологическом смысле не меняется, но претерпевают фундаментальные перемены характеристики размножения *человеческих популяций*, а эти характеристики тоже относятся к неотъемлемым свойствам вида.

В 1967 г. американские экологи Роберт МакАртур и Эдвард Уилсон [MacArthur, Wilson 1967] предложили различать две принципиально различные стратегии размножения популяций в природе – *r*-стратегию и *K*-стратегию (*r*- и *K*- параметры логистического уравнения Ферхюльста). Не вдаваясь в детали, отметим лишь, что *r*-стратегия предполагает крайне «неэкономное» размножение, производство огромного потомства, в основном обреченного на раннюю гибель, так что до нового цикла размножения доживает лишь ничтожная его часть. *K*-стратегия, напротив, экономична, потомство невелико, зато намного выше его выживаемость. Рыбы мечут миллионы икринок, тогда как потомство млекопитающих измеряется десятками, а то и единицами. Однако судя по тому, что численность популяций в природе на протяжении длительных периодов хотя и колеблется, но в итоге меняется мало, число особей, доживающих до своего цикла производства потомства, скажем, у рыб и у млекопитающих, одинаково.

В реальности ни одна популяция в природе не придерживается *K*-стратегии в чистом виде, в их динамике всегда присутствуют и элементы *r*-стратегии. Но в биологической эволюции в целом прослеживается тенденция к усилению элементов *K*-стратегии. У видов, находящихся на более высоких ступенях эволюционной лестницы, ослабевает зависимость от внешних факторов, все большую роль играют внутренние регуляторы динамики популяций. Их численность становится более устойчивой, амплитуда колебаний сокращается, численность может изменяться в разы, но не в сотни, тем более не в тысячи и даже миллионы раз, что наблюдается у многих насекомых и ракообразных.

Наращение роли внутренних регуляторов означает повышение экономичности размножения вида, а значит, и его способности использовать жизненные ресурсы, которые все в меньшей степени расходуются на производство потомства, благодаря чему становится возможным рост сложности организации и функционирования организмов и их сообществ.

С появлением человеческого общества к защитным механизмам, созданным природой, добавляются социальные защитные механизмы, «цена» [Вишнеvский 2005: 184] воспроизводства популяции становится еще меньшей, что означает новый шаг от *r*-стратегии к *K*-стратегии. Это необыкновенно расширяет область свободы и возможности

развития человеческого общества, служит одной из главных, если не главной, предпосылкой появления человеческой цивилизации.

На протяжении десятков тысяч лет человеческой истории защитные механизмы, на которые опиралась репродуктивная *K*-стратегия популяций людей, понемногу совершенствовались, не претерпевая при этом принципиальных изменений. Смертность европейцев в середине II тысячелетия н.э. мало отличалась от смертности донеолитических охотников и собирателей, а тем более представителей античных цивилизаций. Фундаментальный прорыв начался только в конце XVIII в. и означал подлинный триумф *K*-стратегии – резкое повышение эффективности воспроизводства населения практически до максимально возможного уровня. Элементы *r*-стратегии практически исчезают.

Курица или яйцо?

Разумеется, все эти перемены произошли не сами по себе, они стали итогом тысячелетий экономического и социального развития человечества. Однако, возможно, именно они стали *самым важным*, хотя все еще недостаточно осознанным его итогом. Историки и общественное мнение придают несравненно большее значение политическим, экономическим или социальным переменам Нового и Новейшего времени, таким глобальным процессам, как урбанизация, промышленная или научно-техническая революция, возникновение постиндустриального общества в новейший период истории и т.п. Но только плохо замеченное формирование в тени всех этих перемен новой репродуктивной стратегии человеческих популяций затрагивает основы существования человека как вида и в этом смысле не только не уступает по своей фундаментальности и влиянию на будущее величайшим экономическим или политическим революциям, но, скорее всего, превосходит их.

Изменения произошли в демографической области, но они оказались настолько глубокими, что не могли не затронуть все стороны жизни людей, не наложить отпечатка на все правила человеческого общежития, на нормы социального контроля, на культуру. Все должно измениться и действительно меняется, но осознание истинных причин этих изменений дается теоретикам с большим трудом, что обусловлено хронической недооценкой самостоятельности демографического фактора.

В силу исторических особенностей России у нас такая недооценка ассоциировалась с марксистской, впрочем, скорее, псевдомарксистской научной традицией. Ф. Энгельс писал в свое время, что «согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является, в конечном счете, производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства: степенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи» [Энгельс 1961: 25-26]. У Энгельса нет слова «демография», тогда еще малоизвестного, но то, что он ставит «продолжение рода» в один

ряд с «производством средств к жизни» можно истолковать как признание самостоятельности и первостепенной важности того, что теперь мы бы назвали демографическим фактором.

В СССР, несмотря на авторитет Энгельса, подобная точка зрения не была популярной. Одно время приведенная цитата «классика марксизма» (редчайший случай) сопровождалась «корректирующим» редакционным примечанием: «Энгельс допускает здесь неточность, ставя рядом продолжение рода и производство средств к жизни в качестве причин, определяющих развитие общества и общественных порядков» [Маркс, Энгельс 1948: 160-161]. По сути, здесь без ссылки на первоисточник повторено рассуждение К. Каутского: «Это простая игра словом «производство»... То, что Энгельс называет изменениями естественного процесса размножения - изменение форм семьи и брака - ...представляет результаты, а не движущие силы общественной эволюции. Все это вызвано изменениями не в технике размножения, а в технике производства средств существования... Изменения в этой области производства, в конечном счете, одни только и вызывают все изменения общественных форм и определяют историю» [Каутский 1923: 119].

После смерти Сталина редакционное примечание исчезло из публикаций работы Энгельса, но не из голов советских исследователей, которые продолжали бороться против «ложных представлений о самодовлеющей природе демографических процессов..., тогда как в действительности речь идет о закономерных демографических сдвигах под влиянием социально-экономического развития» [Гузеватый 1980: 30].

Хотя западные теоретики демографического перехода, как правило, не были марксистами и, скорее всего, ничего не знали об этой внутримарксистской полемике, их позиция удивительным образом совпадает с позицией Каутского. По утверждению Дж. Колдуэлла, его исследования в странах Африки и Азии показали, что тип экономики определял культуру, религию и демографическое поведение населения этих стран. «Ясно, - замечает он, - что это сродни использованию Карлом Марксом понятия "способ производства", которое мы также будем использовать» [Caldwell 2006: 6]. При этом «производство материальной жизни» он трактует, скорее, по Каутскому, а не по Энгельсу, демографическое у него попадает не в «базис», а в «надстройку».

Сам факт рассмотрения «демографического перехода» или «демографической революции» как особого исторического феномена свидетельствует, конечно, о признании его эпохальной важности, но далеко не всегда – о признании его самостоятельной внутренней логики. «Эта внутренняя логика не привлекает внимания демографов, которые истолковывают такие перемены лишь как следствие различных социальных сдвигов, недемографических по своей природе» [Vishnevsky 1991: 267].

Хорошей иллюстрацией такого подхода служит противопоставление «описательного» и «объяснительного» аспектов теории демографического перехода Ж.-К. Шене. Первый из них «относится к внутренней динамике населения: он касается влияния смертности на рождаемость», что, как замечает Шене, было подмечено еще в XIX веке, так что идея перехода «существовала в зародыше уже тогда», но это была не более чем констатация факта. Второй же аспект, особенно когда речь идет о снижении рождаемости,

требует обращения к социально-экономическим, культурным, социально-политическим и т.п. детерминантам, которые и дают «объяснение» [Chesnais 1986: 6-8].

Подобный взгляд на суть демографического перехода не преодолен и сейчас. Как замечает в недавней статье Дэвид Реер, «исследователи демографического перехода... гораздо меньше внимания уделяли демографическому переходу как причине, а не следствию процесса преобразования общества. В результате историки и социологи привыкли считать демографические реалии напрямую зависимыми от экономического воздействия и никак иначе. Я же утверждаю, что во многих вопросах демографический переход необходимо рассматривать как ключевой фактор изменений. Демографический переход должен быть изучен как автономный процесс, завершившийся глубинными социальными, экономическими, и даже психологическими или мировоззренческими воздействиями на общество. Демографию нужно рассматривать как независимую переменную» [Reher 2011: 11-12].

К сожалению, нынешнее состояние теории демографического перехода затрудняет его видение как целостного автономного процесса, имеющего свою внутреннюю детерминацию и активно воздействующего на все социальные процессы, в том числе и на глобальном уровне. О понимании же истинной важности демографического перехода как фундаментального сдвига в репродуктивной стратегии Человека как вида, равно как и неизбежных последствий этого сдвига и их масштабов, пока не приходится даже говорить.

Это не значит, что теория демографического перехода оставалась неизменной, на протяжении ста лет своего существования она совершенствовалась, обогащалась, развивалась. Однако это развитие не было вполне органичным. Скорее оно напоминало расширение дома путём постоянного добавления к нему разного рода пристроек, каждая из которых рассматривала себя как самостоятельное здание, сохраняющее некоторую связь с основным домом, но отнюдь не являющееся частью единого целого.

Среди этих пристроек мы находим «эпидемиологический переход», «второй демографический переход», «третий демографический переход», наряду с этим говорят о «контрацептивной революции», «кардиоваскулярной революции» и т.д. Теория, по сути, распадается на отдельные части, и при этом утрачивается концептуальное единство в интерпретации наблюдаемых фактов. «Дробление» единого демографического перехода на множество отдельных переходов ведет к тому, что при анализе каждого из них развивается самостоятельная аргументация, оторванная от корней «материнской» теории.

ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Так произошло, в частности, с теорией эпидемиологического перехода А. Омрана. Обычно она воспринимается как имеющая отношение только к объяснению механизмов и особенностей снижения смертности на протяжении последних столетий, однако замысел самого Омрана был иным. Его главная статья называется «The Epidemiologic Transition: A

Theory of the Epidemiology of Population Change» [Omran 1971]². Он трактовал термин «эпидемиологический» как указывающий на сущность массовых явлений и полагал, что «многие эпидемиологические методы, применение которых до сих пор ограничивалось рассмотрением особенностей здоровья и заболеваемости, могут быть с успехом применены и к исследованию других массовых явлений, в том числе и регулирования рождаемости» [Omran 2005: 731].

Возможно, использование в названии статьи выражения «эпидемиологический переход» было удачной «маркетинговой» стратегией, позволившей Омрану прочно связать свое имя с этим понятием, но, по сути, его статья содержит анализ все того же демографического перехода, и притом анализ очень проницательный и, как мне кажется, недооцененный. В обзорах по истории собственно демографического перехода его имя обычно не упоминается.

От других статей, посвященных демографическому переходу, работа Омрана действительно отличается гораздо большим вниманием к снижению смертности и новаторским исследованием этой составляющей демографического перехода. Но при этом он с самого начала заявляет, что стимулом для развития теории эпидемиологического перехода стали «ограниченность теории демографического перехода и необходимость комплексного подхода к демографической динамике» [Omran 2005: 732], и именно тот факт, что «смертность является фундаментальным фактором демографической динамики», выступает в качестве главной посылки теории эпидемиологического перехода (The theory of epidemiologic transition begins with the major premise that mortality is a fundamental factor in population dynamics) [там же, с. 733]. «Основная задача состоит не только в том, чтобы описать и сопоставить переходы по смертности в различных обществах, но, что более важно, в том, чтобы предложить теоретический взгляд на процесс демографических изменений, соотнося модели смертности с демографическими и социально-экономическими тенденциями» [там же, с. 755].

Омран постоянно возвращается к воздействию снижения смертности на рождаемость, подчеркивая, что «повышение выживаемости младенцев и детей подрывает комплекс социальных, экономических и эмоциональных оснований заинтересованности индивидов в большом числе рождений (high parity), а тем самым и общества – в высокой рождаемости. Как только супруги становятся практически полностью уверенными в том, что их потомство, особенно сын, переживет их самих, возрастает вероятность ограничения рождаемости» [там же, с. 749]. Выделяя три стадии изменений смертности в процессе демографического перехода, Омран отмечает, что на третьей, последней из них, которую он называет стадией дегенеративных и антропогенных заболеваний, «смертность продолжает снижаться и в конце концов приближается к стабилизации на относительно низком уровне. Средняя продолжительность жизни при рождении постепенно растет, пока

² В настоящей статье работа цитируется по [Omran 2005]. Имеется русский перевод [Омран 1977], но он страдает многими неточностями, вплоть до того, что неверно переведено (и это – уже намеренно) даже название статьи, из него исчезло само слово «переход».

не превысит 50 лет. Именно на этой стадии рождаемость становится решающим фактором роста населения» [там же, с. 738].

Последняя фраза важнее двух предыдущих, но ей обычно не придают большого значения. Авторы, обращающиеся к концепции эпидемиологического перехода, как правило, связывают ее только с изучением смертности. Они отдают должное предложенной А. Омраном концептуализации, которая открыла путь к переосмыслению очевидного факта количественного снижения смертности в терминах эволюции структуры причин смерти, вследствие которой происходит «не только переход от одной доминирующей структуры патологий к другой, но также радикально трансформируется возраст смерти» [Meslé, Vallin 2002: 440]. В то же время они пытаются развивать и видоизменять саму концепцию. Считая ее привязанной к реальностям конца 1960-х годов и потому устаревшей, они предлагают увеличить число стадий [Olshansky 1986] или даже в принципе изменить сам подход к их классификации, заодно изменив и название концепции с тем, чтобы «объединить в более широком представлении о санитарном переходе первую (описанную Омраном) фазу роста продолжительности жизни в основном за счет снижения смертности от инфекционных болезней и вторую фазу, определяющуюся снижением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, и оставить открытой дверь для последующих фаз» [Meslé, Vallin 2002: 444].

Как бы ни относиться ко всем этим предложениям, нельзя не видеть, что стадия, на которой «рождаемость становится решающим фактором роста населения», все равно остается там, куда ее поместил Омран. В этом смысле никакие последующие изменения смертности ничего принципиально не меняют. В то же время, если говорить о «переименовании» эпидемиологического перехода, возникает вопрос, всегда ли оправдано использование представлений о «переходе» или «революции». Если каждое изменение называть «революцией», то теряет смысл понятие эволюции. Любой переход или любая революция имеют начало и конец, но это совсем не значит, что после их окончания развитие прекращается. Правильно ли ставить в один ряд небывалый в истории сдвиг и обычные эволюционные изменения, пусть даже и очень важные?

Концепция эпидемиологического перехода помогает понять «анатомию» исторических изменений смертности как ключевого механизма, запускающего весь демографический переход. В этом смысле она «вмонтирована» в общую теорию демографического перехода, становится одной из ее частей. Но, будучи выведенной за пределы анализа демографического перехода, она теряет свою эвристическую силу. Для исследования последующих изменений смертности в ней нет необходимости.

Другое дело, что концептуализация Омрана способствовала более структурированному подходу к изучению смертности и ее изменений как демографического феномена. Само собой разумеется, что эти изменения имеют свои этапы, нуждаются в своей периодизации, в них тоже могут быть свои «революции» и т.п. Например, Милтон Террис говорит о двух эпидемиологических революциях [Terris 1985], французские демографы, как мы видели, подчеркивают важность «кардиоваскулярной революции», исследователи рождаемости пишут о «контрацептивной революции» [Leridon et al. 1987] и т.д. Но это – «революции» уже совсем иного уровня. Возможно, внимание к ним связано с подмеченным Колдуэллом общим сдвигом демографической теории за

последние полвека от «большой теории» к теории краткосрочных изменений [Caldwell 2006: 301].

Нет сомнения, что исследователи смертности сами разберутся в том, что они могут взять из теории эпидемиологического перехода, а в чем они могут обойтись без нее. Для нашей же темы важно осознание эпидемиологического перехода как ключевого механизма, запустившего цепную реакцию небывалых перемен в репродуктивной стратегии человечества, как важнейшего звена единой цепочки трансформаций, из которых складывается демографический переход.

«ПЕРВЫЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД»

В 1986 г. Р. Лестэг и Д. ван де Каа впервые сформулировали свою концепцию «второго демографического перехода» [Lesthaeghe, van de Kaa 1986], которая вскоре получила широкую известность, благодаря публикации Д. ван де Каа в Демографическом бюллетене ООН в 1987 г. [van de Kaa 1987]. О втором демографическом переходе речь пойдет ниже, сейчас же отметим, что появление этой концепции потребовало объяснения того, что следует понимать под «первым» демографическим переходом, поскольку до тех пор такого понятия не существовало.

Из тогдашних разъяснений ван де Каа, равно как и из сравнительно недавней статьи Лестега [Lesthaeghe 2010] можно понять, что главное содержание первого демографического перехода – снижение смертности и последовавшее за ним снижение рождаемости до уровня, обеспечивающего примерно нулевой прирост населения, что произошло в Европе, в основном, еще до Второй мировой войны [van de Kaa 1987: 4-5; Lesthaeghe 2010:247] (заметим, что исторически это примерно соответствует тому, что Омран назвал третьей стадией эпидемиологического перехода, но только он дальновидно говорил не о «нулевом приросте», а лишь о том, что «на этой стадии рождаемость становится решающим фактором роста населения»).

Но кроме этой чисто описательной характеристики, не идущей дальше простой констатации факта, в работе ван де Каа есть еще и объяснение механизма «первого перехода к низкой рождаемости». Называя в качестве «косвенных детерминат» этого перехода индустриализацию, урбанизацию и секуляризацию, он пишет далее: «Переход от семейного производства к наемному оплачиваемому труду, который сопровождал индустриализацию и урбанизацию, снизил экономическую полезность детей. Они больше не могли служить в качестве дешевой рабочей силы для родительских фермы или бизнеса, но зато требовали инвестиций в образование и подготовку, чтобы дать им реальный шанс в жизни. Как утверждает австралийский демограф Джон Колдуэлл, «чистый поток богатства» идет теперь в пользу детей, а не родителей. Кроме того, большое число детей может означать размывание семейного имущества, такого как земля после смерти родителей, так что контроль над рождаемостью стал разумной стратегией. Секуляризация уменьшила влияние церкви и повысила готовность супружеских пар практиковать планирование семьи» [van de Kaa 1987: 5].

В данном случае ван де Каа следует уже сложившейся традиции. В другой своей статье [van de Каа 2010] он приводит объяснение снижения рождаемости одним из основоположников теории демографического перехода Ф. Ноутстайном, ссылаясь на его публикацию 1945 г. [Notestein 1945], которую он называет «классической статьей о первом демографическом переходе». Согласно Ноутстайну рождаемость стала снижаться «в ответ на резкие изменения социальной и экономической среды, которые в корне изменили мотивы и цели людей в отношении размера семьи». В числе этих изменений «рост индивидуализма», «повышение притязаний, развивающееся в условиях городской жизни», потеря семьей ее функций, большие расходы многодетных семей, освобождение от «старых табу», и «забота о здоровье, образовании и материальном благополучии каждого ребенка». В итоге Ноутстайн приходит к выводу, что «снижение рождаемости требует сдвига в социальных целях - от направленных на выживание группы к тем, которые направлены на благополучие и развитие личности».

Нет сомнений, что все факторы, называемые и Ноутстайном, и ван де Каа, и многими другими авторами, играли роль в снижении рождаемости. Однако для того, чтобы их назвать, не нужна никакая теория, их может перечислить, пусть и не с такой полнотой, любой «человек с улицы». В басне Эзопа Ослица упрекала Львицу за то, что у той мало детей. На что Львица отвечала: «Это правда, я рождаю только одного детеныша в три года, но зато я рождаю Льва!». Известны слова Полибия, что «люди испортились, стали тщеславны, любостыжательны и изнежены, не хотят заключать браков, а если и женятся, то не хотят вскармливать прижитых детей, разве одного-двух из числа очень многих, чтобы этим способом оставить их богатыми и воспитывать в роскоши» [Полибий 1995: 9]. Значит ли это, что Эзопа или Полибия надо зачислить в предтечи теории демографического перехода?

Внутренняя логика теории демографического перехода заключается в том и только в том, что, если говорить о снижении рождаемости, оно рассматривается как неотвратимый этап цепной реакции, запущенной небывалым и необратимым снижением смертности, как необходимый ответ на вызванное этим снижением нарушение демографического равновесия в пределах некоторой территории.

Временные и локальные случаи такого нарушения нередко встречались и прежде, история знает четыре регулятора, обеспечивающие восстановление равновесия [Livi Vacci 1995: 453-455]: (1) новое повышение смертности, иногда намеренное (детоубийство); (2) эмиграция; (3) снижение рождаемости через брачность («мальтузианское» решение); (4) регулирование рождаемости современного типа («неомальтузианское» решение). Все эти регуляторы были испробованы и тогда, когда снижение смертности приобрело всеобщий и необратимый характер, но тогда-то и оказалось, что только «неомальтузианский» регулятор, менее всего использовавшийся в прошлом, способен дать адекватный ответ на новые вызовы и обеспечить реальный переход к более эффективной репродуктивной стратегии вида *Homo sapiens*.

Никаких других объяснений современной низкой рождаемости не требуется, и казалось бы, об этом знают все демографы, знакомые с теорией демографического перехода. Но парадоксальным образом зачастую совершенно очевидная связь между

снижением рождаемости и снижением смертности в их рассуждениях едва прослеживается, тогда как главные силы направлены на выявление экономических и социальных детерминант снижения рождаемости, которые они и видят в «изменениях экономической и социальной среды»: урбанизации, распространении современного образования, изменении экономического и социального положения женщины и т.д.

Изменения экономической и социальной среды, конечно, происходят, однако их связь со снижением рождаемости не столь однозначна и однонаправлена. Эти изменения были бы невозможны при прежнем демографическом режиме, они в такой же мере причина снижения рождаемости, как и его следствие. Другое дело, что, раз начавшись, все эти модернизационные процессы создают социокультурные механизмы, способствующие снижению рождаемости через изменение *типа* прокреативной мотивации все большего числа людей. Однако эти механизмы - не специфические, затрагивают не только прокреативное поведение, они вообще в корне меняют преобладающий тип мотивации человеческого поведения, и еще неизвестно, что больше способствует этой смене, – политические и промышленные революции, урбанизация или сама «демографическая революция» как самостоятельный ответ на возникший исторический императив.

Главный порог, отделяющий регулирующую рождаемость от нерегулируемой – это именно *тип* мотивации человеческого поведения, и переход к регулируемой рождаемости *требует* изменения типа мотивации, но как раз это обстоятельство постоянно игнорируется демографами. Это очень хорошо видно в популярной среди демографов позиции Дж. Колдуэлла, на которого часто ссылаются при объяснении причин снижения рождаемости (мы видели такую ссылку у ван де Каа). «В обществе любого типа и на любой стадии развития прокреативное поведение (*fertility behavior*) рационально, и рождаемость, когда она высока, так же как когда она низка, есть следствие того, что именно такая рождаемость экономически выгодна индивиду, супружеской паре или семье. Какая именно рождаемость экономически рациональна, определяется социальными условиями, прежде всего межпоколенным потоком богатства. Этот поток был направлен от младших поколений к старшим во всех традиционных обществах», а затем «повернул на 180°» [Caldwell 1976: 355].

Насколько оправдана такая универсализация экономической рациональности? Со времен Макса Вебера известны два типа рационального действия: ценностно-рациональное и целерациональное. Первое характеризуется тем, что человек действует «невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности “предмета” любого рода. Ценностно-рациональное действие... всегда подчинено “заповедям” или “требованиям”, в повиновении которым видит свой долг данный индивид». Напротив, «целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально *рассматривает* отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу» [Вебер 1990: 629].

Свойственное всем допромышленным обществам безусловное преобладание ценностно-рациональной мотивации – следование канону, традиции, религиозной заповеди

– чрезвычайно ограничивало свободу индивидуального выбора человека во всем. Небывалые перемены, происходившие в европейских обществах, по крайней мере, с конца XVIII века, впервые потребовали массового распространения иной, целерациональной мотивации, делающей свободный выбор и возможным, и необходимым. Говоря об этих переменах, обычно указывают на их экономическую, социальную, политическую или культурную составляющие, без которых «рождаемость осталась бы в значительной степени в области сакрального, а не стала бы областью индивидуальной свободы выбора» [Lesthaeghe 1983: 412]. Но собственно демографическая составляющая, как правило, не включается в этот список. Между тем она, может быть, самая главная, потому что она связана с самой массовой практикой, с необходимостью делать выбор буквально для каждой семьи.

Идея сознательного регулирования рождаемости появилась раньше признания свободы индивидуального выбора в этой области. На какое-то время инструментом такого регулирования стала «европейская» брачность – поздняя и не всеобщая [Хаджнал 1979], и Мальтус, выступавший как ее горячий пропагандист именно из соображений ограничения потомства, был в то же время категорическим противником свободы прокреативного выбора. «Если бы каждая супружеская пара могла по своему желанию ограничивать число своих детей, то, несомненно, тогда имелись бы все основания опасаться, что среди людей слишком распространится праздность; и что ни население отдельных стран, ни население всей земли в целом, никогда не достигнут своей естественной и должной численности» [Борисов 2007: 262].

На протяжении какого-то времени рекомендуемая Мальтусом (но не им придуманная) «европейская брачность» казалась достаточно эффективной. Еще в конце XIX в. рождаемость в Западной Европе была намного ниже чем, например, в России, не знавшей европейской брачности, хотя внутрисемейное регулирование деторождения (birth control) в большинстве европейских стран было так же слабо распространено, как и в России.

Не забудем, однако, что первое издание книги Мальтуса появилось в один год с публикацией брошюры Дженнера о прививке коровьей оспы (1798), небывалое снижение смертности только начинало свой путь. Дальнейшее стремительное продвижение по этому пути заставило европейские общества осознать, что ни один из трех более или менее привычных регуляторов – подъемы смертности (которые стали исчезать), поздняя и не всеобщая брачность, эмиграция – уже неспособны восстановить все более нарушавшееся по мере снижения смертности демографическое равновесие. Оставался четвертый вариант – «неомальтузианский».

Изначально неомальтузианство, не сразу получившее такое название, совмещало протест против поздних браков с пропагандой контроля рождаемости в браке. Фрэнсис Плэйс адресовал свои пропагандистские брошюры «супругам обоего пола» и, конечно, не собирался подрывать таким образом основы брака и современной ему семьи. Напротив, он считал, что укрепляет их, уменьшая риск внебрачных связей, неизбежных в условиях противоестественного «морального воздержания» при поздних браках. Примерно так же

рассуждали Роберт Оуэн и другие первопроходцы регулирования деторождения внутри семьи.

Однако могла ли семья, вступив на путь внутрисемейного регулирования деторождения, остаться такой же, какой была прежде? Едва ли.

«ВТОРОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД»

Сейчас уже ясно, что за последние сто лет семья и в самом деле претерпела огромные изменения, которые, видимо, еще не закончились. Именно на трансформацию «классической» европейской семьи обращают внимание авторы концепции «второго демографического перехода». Согласно ван де Каа главная демографическая черта этого «второго» перехода – падение рождаемости в европейских странах ниже уровня замещения поколений [van de Каа 1987: 5]. Но основное внимание он сосредотачивает на сопровождающих это падение переменах, переживаемых семьей: сожительства теснят традиционный брак; в центре семейной жизни оказываются не интересы ребенка, а интересы родителей («сдвиг от эры ребенка-короля с детьми к эре королевской супружеской пары с ребенком»); предупреждение случайного зачатия уступает место намеренному зачатию как элементу самореализации родителей; на место единой стандартной формы семьи и домохозяйства приходят их плюралистические формы [там же с. 11]. Начало «второго демографического перехода» ван де Каа датирует серединой 1960-х годов, сегодня список перемен можно существенно расширить и детализировать. Однако в данном случае нас интересует не сам бесспорный факт трансформации института семьи и семейных отношений, а его объяснения.

Если, рассуждая о «первом демографическом переходе», ван де Каа, как мы видели, связывал его с индустриализацией, урбанизацией и секуляризацией, то для «второго демографического перехода» он ищет *другие* детерминанты, без этого нельзя говорить не просто об очередном этапе разворачивающегося процесса, а о новом достаточно самостоятельном феномене. Нужно, стало быть, выявить специфические детерминанты «второго» перехода. Вот как характеризуются эти детерминанты. «Растущие доходы, экономическая и политическая защищенность, которые демократические государства всеобщего благосостояния предлагают своим населением, сыграли роль спускового крючка для “тихой революции” ... Индивидуальные сексуальные предпочтения принимаются такими, как они есть, и решения о совместной жизни, разводе, аборте, стерилизации и добровольной бездетности остаются на усмотрение индивидуумов и семейных пар» [van de Каа 1996: 425]. Лестег также подчеркивает, что, начиная с публикации ван де Каа 1980 года, и ван де Каа, и он сам постоянно указывали, ссылаясь в частности, на статью Ф. Ариеса [Ariès 1980], на изменяющуюся мотивацию к рождению детей – «детоцентристские» устремления семьи эпохи первого перехода сменяет семья, ориентированная на самореализацию родителей [Lesthaeghe 2010: 213].

Таким образом, «спусковой крючок» снова обнаруживается в экономической, социальной и политической сферах, а не в цепи последовательных событий, заданных самими демографическими изменениями. Мне же кажется, что если исходить из

внутренней логики теории демографического перехода, то «спусковой крючок» надо искать именно в этих изменениях, в самом начале их цепочки, а значит и нажат он был задолго до 1960-х годов, которыми датируется начало «второго демографического перехода». Даже если не говорить об эпидемиологическом переходе, изначально запустившем все изменения в демографическом бытии людей, то обусловленный им переход к «неомальтузианскому» регулированию деторождения не оставлял шансов на сохранение традиционной семьи в неизменном виде.

Существует несомненная корреляция между изменениями семейных нравов, статуса и форм брака и семьи, социальных ролей родителей, всего того, что можно назвать «демографическим поведением» людей, с одной стороны, и ослаблением влияния религиозных норм, ростом индивидуализма, стремлением людей к самореализации и распространением «постматериалистических ценностей» и т.д. - с другой, о чем пишут авторы концепции «второго демографического перехода». Но вопрос заключается в том, *где причина, а где следствие* этих перемен.

Для того чтобы объяснить, почему теперь люди трассируют свои индивидуальные жизненные траектории не так, как прежде, не нужны специальные экономические или социологические аргументы, они избыточны. Из основного постулата теории демографического перехода о смене типа демографического равновесия и без того естественным образом следует, что прежние жесткие социальные требования к таким траекториям утрачивают смысл. Возвращение к равновесию невозможно без полной перестройки всей структуры демографического поведения, «именно в структуре демографического поведения, равно как и в структуре и методах социального контроля над ним, произошел подлинный переворот, который и привел к возникновению и утверждению нового типа рождаемости» [Вишневский 2005: 99].

На протяжении многих столетий в допромышленной Европе, да видимо, и во всех зрелых аграрных обществах краеугольным камнем семейной жизни и семейной морали было неразрывное единство трех видов поведения: сексуального, матримониального и прокреативного [там же с. 98-99]. Конечно, это было нормативное единство, в жизни оно нередко нарушалось. Тем не менее, такие нарушения всегда трактовались как предосудительное исключение из правил, как осуждаемые господствующей культурой маргинальные формы поведения, в массовой повседневной практике всех слоев общества соблюдались нормативные установки культуры.

Переход к контролируемому семьей деторождению делал сохранение этого единства невозможным, а «разрыв связи между браком и прокреацией», о котором Лестег пишет как о проявлении второго демографического перехода [Lesthaeghe 2010: 211] – неизбежным. В автономизации прокреативного поведения заключается сама суть демографического перехода на его неомальтузианской стадии, а такая автономизация естественным образом влечет за собой обособление друг от друга всех трех прежде неразрывных видов поведения - сексуального, матримониального и прокреативного. Сделавшись относительно самостоятельными, эти три вида поведения стали прокладывать свои собственные траектории в каждой индивидуальной биографии, что создало возможности бесконечной

вариабельности индивидуальных жизненных путей, более того, сделало эту вариабельность неизбежной.

Таким образом, «второй демографический переход» - вовсе не отдельный процесс со своими собственными независимыми детерминантами, а лишь закономерный этап развития демографического перехода, к которому с необходимостью приводит цепная реакция, запущенная снижением смертности.

Общества, достигшие этого этапа демографического перехода, оказываются в совершенно новой исторической ситуации и с неизбежностью вступают в полосу поиска, в котором участвуют сотни миллионов, а может быть, и миллиарды семей на протяжении нескольких поколений, постепенно преодолевая инерцию прошлого, отказываясь от сложившихся установлений и вырабатывая новые институциональные формы и новую культурную регламентацию индивидуальной, частной, личной жизни людей, трассирования их индивидуального жизненного пути. Постоянно и повсеместно возникающие попытки противостоять переменам, взывая к опыту прошлого, абсолютно бесперспективны, потому что больше нет этого прошлого.

Поиск ведется единственным возможным в таких случаях путем – методом проб и ошибок, опробуются самые разные варианты адаптации к новым демографическим и социальным реалиям, в этом поиске реализуется социокультурный отбор наиболее конкурентоспособных, эффективных форм и норм [Вишнеvский 1986: 239-242; Vishnevsky 1991: 267].

Статистика и исследования фиксируют, по крайней мере, в странах европейской культуры, первой испытавшей влияние демографического перехода, все более частое и раннее добрачное начало половых отношений, никак не связанное с намерением вступить в брак. Наряду с привычным единственным типом брака, начинающегося с регистрации и продолжающегося до конца жизни одного из супругов, получают распространение нерегистрируемые браки, «партнерства», начавшиеся без регистрации, а затем либо распадающиеся, либо зарегистрированные как брак, либо продолжающиеся без регистрации. Множатся повторные браки как после формального развода, если брак был зарегистрирован, или после овдовения, так и после прекращения предыдущего официально неоформленного сожительства, причем повторные браки еще чаще, чем первые, могут оставаться незарегистрированными, не переставая от этого быть браками. Появляются и другие «нестандартные» формы совместной жизни. Кстати, ничего нового во всех этих формах нет, практически все они существовали в разные эпохи и в разных культурах. Новизна заключается в том, что они существуют одновременно в одном и том же обществе и получают культурную санкцию.

Поиски идут не только по оси «брачные партнеры», но и по оси «родители-дети». Внимание, в первую очередь, привлекает низкая рождаемость, на самом деле перемены гораздо более многообразны. Идет поиск наиболее удобного времени рождения детей, увеличивается число неполных семей, стремительно растет доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, появляется все больше детей, которые как бы принадлежат сразу нескольким семьям, потому что развод родителей и их вступление в новые браки уже не считается катастрофой, и дети сохраняют связь с обоими родителями. Перестает быть

экзотикой отделение биологического родительства от социального и размывается или трансформируется само понятие «родительства».

Все это новое многообразие требует постоянного наблюдения и изучения, в нашу задачу входит лишь подчеркнуть изначальную демографическую природу этих перемен, их фундаментальную обусловленность переходом человечества к новой репродуктивной стратегии.

Рождаемость снижается во всем мире, а семья входит в полосу небывалых трансформаций не потому, что женщины стали учиться, работать за зарплату, стремиться к самореализации, использовать современные противозачаточные средства или отказываться связать свою жизнь навеки с непроверенным партнером. Напротив, все это стало возможным, благодаря тому, что отпала прежняя необходимость в непрерывном рождении детей, огромная доля которых не выживала. Исполнение «демографического долга» теперь требует от человека гораздо меньшего времени и сил, резко расширилась область индивидуальной свободы, не ограниченной объективными демографическими требованиями, и перед каждым открылись возможности выбора индивидуального жизненного пути, каких не существовало никогда прежде.

«ТРЕТИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД»

Появившаяся относительно недавно концепция «третьего демографического перехода» - еще один пример претендующей на самостоятельность «пристройки» к зданию теории демографического перехода. Как и в случае со «вторым демографическим переходом», сомнение вызывает не сам термин – и в том, и в другом случае он указывает на важный специфический этап единого демографического перехода и тем способствует его осмыслению, - а его «изолированная» интерпретация.

Согласно Дэвиду Коулмену третий демографический переход – это, прежде всего, изменение этнического, культурного и т.п. состава населения принимающих стран в результате иммиграции. Предпосылки для такой иммиграции создает низкая рождаемость в принимающих странах, население которых не воспроизводится. Они вынуждены восполнять убыль населения, принимая большое количество мигрантов, что и формирует феномен «третьего демографического перехода» [Coleman 2006].

Коулмен подчеркивает, что в отличие от первого третий демографический переход не универсален, он затрагивает только развитые страны с низкой рождаемостью, а обусловленные им изменения не симметричны: состав населения развитого мира станет больше напоминать население развивающегося мира, но не наоборот [Coleman 2006: 428]. При этом он полагает, что подобное развитие событий не неизбежно, прогнозы, предсказывающие массовый приток мигрантов, «не высечены в камне», и с помощью правильной политики их можно избежать [Coleman 2006: 417-419].

Конечно, изменения этнического состава в развитых и развивающихся странах вследствие миграции с «Юга» на «Север» будут несимметричными, но не менее асимметрична и идея третьего демографического перехода в ее нынешнем виде. Хотя

Коулмэн упоминает о незавершенности демографического перехода в странах «Юга» как одной из движущих сил миграционных процессов, вокруг которых строится вся концепция «третьего перехода», в целом он уделяет этой «движущей силе» чрезвычайно мало внимания. Его убежденность в том, что пример властей Голландии или Дании, пытающихся сдерживать иммиграцию в их страны, указывает путь, следуя по которому можно затормозить этот переход, говорит о том, что он считает эту силу не слишком существенной. Вся его концепция отражает понятную озабоченность развитых стран растущим миграционным давлением со стороны развивающегося мира, но почти не касается глобальной демографической ситуации, делающей такое давление неизбежным, будучи при этом прямым следствием, а еще точнее, закономерным этапом глобального демографического перехода, в конечном счете, - гигантской мутации человечества, меняющего репродуктивную стратегию.

Как замечает Коулмен, «концепция перехода не рассматривает ни миграцию в явном виде, ни какие-либо последующие изменения в составе населения, хотя ван де Каа (1999) предполагает увеличение иммиграции как естественное косвенное следствие низкой рождаемости в странах-получателях. Другая часть этого уравнения - то, что эмиграция обычно достигает максимума на пике роста населения в середине перехода как в Европе в XIX в., так и в развивающихся странах сегодня (Ортега 2005)» [Coleman 2006: 402].

Можно согласиться с тем, что концепция демографического перехода в ее сложившемся виде не уделяет большого внимания миграции, фокусируя внимание на изменении соотношения между рождаемостью и смертностью. Однако она и не закрывает дверь для введения миграции в число ключевых переменных перехода.

Как уже упоминалось, миграция – один из регуляторов, который включается при нарушении демографического равновесия. Одновременно – это и важнейший фактор человеческой истории, сформировавший нынешнюю картину расселения людей на Земном шаре, их расовое, этническое, языковое разнообразие. Коулмен прекрасно знает историю миграций, он упоминает и о Великом переселении народов, и о затрагивавших Европу в не столь уж отдаленном прошлом миграциях арабов, турков, татаро-монголов, и о внутриевропейских миграциях, и, как мы только что видели, о роли миграционного регулятора во время европейского демографического взрыва XIX века, когда заокеанские миграции одновременно ослабили демографическое напряжение внутри Европы и одновременно привели к созданию США и других новых государств с населением европейского происхождения.

Однако ситуация, сложившаяся в мире сейчас, не имеет прецедентов ни по масштабу и скорости нарушения равновесия, приведшего к небывалому демографическому взрыву, ни по географическому охвату. По сути, речь идет о почти мгновенной (по историческим меркам, разумеется) глобализации демографического перехода. На этой стадии включение миграционного регулятора, когда другие регуляторы либо неприемлемы (повышение смертности), либо недостаточны (снижение рождаемости) для быстрого восстановления равновесия, вполне естественно и никак не противоречит логике теории демографического перехода.

Именно в глобализации демографического перехода и заключается его новая фаза, которую можно было бы назвать «третьим демографическим переходом», но ее никак нельзя свести просто к изменению состава населения принимающих стран, хотя это изменение и в самом деле имеет место³. Суть ее заключается в превращении всего мирового населения в систему сообщающихся сосудов, в которой все демографические процессы взаимосвязаны между собой и не могут быть поняты с позиций какой-либо одной из частей этой системы.

В схеме Коулмена один из главных факторов притока иммигрантов в Европу – падающая ниже уровня простого замещения поколений рождаемость в европейских странах, причем и он сам, и, как мы видели, другие теоретики демографического перехода, ищут объяснения этого падения в экономических, социальных и культурных изменениях, происходящих в самих этих странах. Наши возражения сводились к тому, что подобные объяснения избыточны, поскольку снижение рождаемости предопределено снижением смертности и необходимостью восстановления нарушенного демографического равновесия. Но такое возражение всегда может натолкнуться на контраргумент: падение рождаемости не останавливается, достигнув уровня равновесия, а падает ниже этого уровня. Этот аргумент не только выдвигается, но иногда трактуется как свидетельство несостоятельности теории демографического перехода (см. напр., [Валлен 2005; Marchal 2008]).

Между тем, вся эта аргументация может казаться убедительной только в рамках логики, которую можно метафорически назвать «вестфальской», имея в виду Вестфальскую систему международных отношений, установившуюся в Европе в XVII веке и ставшую триумфом принципов государственного суверенитета. Этим принципам и отвечает «страноцентрическое» мышление демографов, которым кажется, что теория демографического перехода обязана оправдываться в рамках государственных границ отдельных стран или, в крайнем случае, группы стран.

Между тем, ни одно государство нельзя рассматривать как «закрытую систему», в границах которой демографический переход может реализоваться независимо от того, что происходит за их пределами. Такой закрытой системой можно считать только все население Земного шара. В глобальных же масштабах рождаемость все еще остается существенно *выше* уровня замещения, и нарушенное равновесие не восстановлено именно в этом смысле. Но даже если равновесие рождаемости и смертности на глобальном уровне будет восстановлено, скажем, к 2100 г., как это предполагается по среднему варианту последнего прогноза ООН, это еще не означает восстановления равновесия между числом жителей Земли (предполагается что оно достигнет к этому времени 10 млрд человек) и ресурсами жизнеобеспечения, которыми располагает наша планета. «С точки зрения самосохранения человеческой цивилизации, было бы намного лучше, если бы мировая демографическая

³Любопытно, что сам этот факт, «креолизацию культур», о которой пишут исследователи миграции [Okolski 1999: 28], ван де Каа рассматривает как одно из проявлений второго демографического перехода [van de Kaa 2003: 32-33], и в этом есть своя логика, поскольку этнически и конфессионально смешанные браки и множественная идентичность детей от таких браков естественным образом вписывается в многовариантность открывающихся перед каждым человеком индивидуальных путей организации своей частной жизни.

эволюция перешла в новую стадию, характеризующуюся сокращением мирового населения. Если исключить такое сокращение вследствие подъема смертности, то единственный механизм, который может обеспечить как можно более быстрое удаление от критической ситуации демографического взрыва, - это рождаемость ниже уровня простого возобновления поколений» [Vishnevsky 2004: 274].

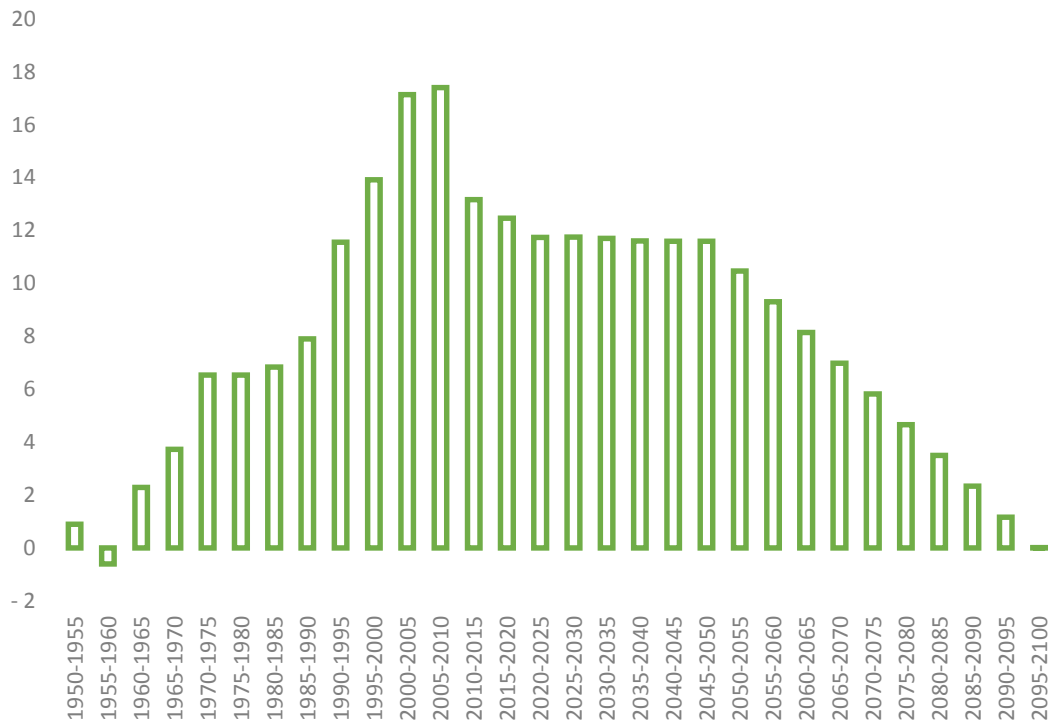
С позиций такой логики, отнюдь не противоречащей общей логике демографического перехода как процесса самоорганизации мировой демографической системы, адаптирующейся к новой репродуктивной стратегии человечества, низкая рождаемость в развитых странах Севера и растущие миграционные потоки с Юга на Север – не причина и следствие, а рядоположенные звенья одной цепи на этапе глобализованного демографического перехода.

С одной стороны, «низкая «западная» рождаемость – вовсе не свидетельство упадка и кризиса современной «западной» цивилизации, как кажется многим, а напротив, доказательство ее огромных адаптивных возможностей. Проложив путь небывалому снижению смертности во всемирных масштабах, развитые страны прокладывают путь и низкой рождаемости, без которой одно из величайших достижений человека – низкая смертность – превращается в серьезную угрозу для человечества» [Вишнеvский 2008: 85]. При этом низкая рождаемость вполне может получать в развитых странах, в том числе и в России, крайне негативную оценку и действительно создавать серьезные проблемы для них (в частности, и те, о которых пишет Коулмэн), но отдельные страны едва ли способны ей противодействовать, «ибо глубинная объективная логика глобального выживания важнее эгоистической логики, отражающей интересы отдельных стран. Если эта гипотеза верна, глубинные причины падения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства в индустриальных странах коренятся не в специфических условиях или стиле жизни их населения. Это падение – элемент глобального демографического процесса, имеющего свои собственные системные детерминанты» [Vishnevsky 2004: 274]. Рано или поздно все страны начинают следовать за пионерами низкой рождаемости. Китай – лишь первая ласточка, теперь уже далеко не единственная.

С другой же стороны, учитывая немалое время, которого потребует восстановление глобального демографического равновесия с помощью снижения рождаемости, неизбежен достаточно длительный этап, на протяжении которого свою обычную историческую роль балансирующего перераспределительного механизма будет выполнять международная миграция.

Этот этап, конечно, не может быть простым. Известно, какой огромный отпечаток наложило на состав населения Европы и на всю ее историю «Великое переселение народов» в I тысячелетии н.э. Сегодня кажется, что тогда происходили огромные миграции. Они и были большими по тем временам, когда все население мира составляло порядка 200 млн человек. Но в начале XXI века стремительно растущее число международных мигрантов уже превысило 200 млн [UN 2013-1: Table 1], и скорее всего это только начало. По оценкам ООН, между 1975-1980 и 2005-2010 гг. чистая миграция из развивающихся в развитые страны за пятилетие выросла с 6,5 до 17,4 млн человек [UN 2013-2: fileMIGR/2]. Как события будут развиваться дальше? Прогнозы ООН, предсказывающие сокращение

перетока населения из развивающихся в развитые страны – вплоть до его полного прекращения к концу века (см. график), представляются утопическими, пока ничто не предвещает такого сокращения. В этих прогнозах гораздо больше от нынешних настроений общественного мнения развитых стран, чем от реальной оценки будущего.

Чистая миграция из развивающихся стран в развитые по оценкам и прогнозу ООН, 1950-2100, млн человек

Источник: [UN 2013-2: fileMIGR/2]

Депопулирующие страны «Севера» будут и впредь нуждаться в притоке населения, а перенаселенный «Юг» всегда будет готов удовлетворить любой спрос на мигрантов. Но демографические массы «Севера» и «Юга» неравноценны, миграционный напор с «Юга» всегда будет превышать потребности «Севера», равно как и его возможности поглотить растущее предложение, и чем дальше, тем больше. Сейчас трудно представить себе, как разрешится эта коллизия, но то, что нынешняя фаза «глобализованного демографического перехода» ставит мир перед очень серьезными проблемами, а их решение будет намного более сложным, чем хотелось бы Коулмэну, да и автору этой статьи, едва ли может вызывать сомнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главная задача этой статьи заключается в том, чтобы подчеркнуть масштабность и самостоятельность переживаемых миром демографических перемен. Первым, заговорившим об этих переменных, был Адольф Ландри, который называл их «демографической революцией» [Landry 1934], что имплицитно указывало на исторические

масштабы перемен. К 1940-м годам центр обсуждения этих перемен переместился в США, где стали использовать термин «демографический переход», что, как отмечает ван де Каа, «ослабило его историческую глубину и смысловое звучание термина и больше подчеркнуло его связь с модернизацией и ее экономическими последствиями». В конце концов, возобладал термин «демографический переход», хотя, как пишет ван де Каа, трудно сказать, был ли термин «революция» отвергнут сознательно или термин «переход» получил более широкое международное звучание благодаря тому, что для большинства исследователей американская демографическая литература была доступнее французской [van de Каа 2010].

Сейчас едва ли стоит возобновлять спор о терминах, но все же нельзя не заметить, что термин «революция» указывает на более глубокий исторический контекст. Об этом также говорит ван де Каа, отмечая, что этот термин был выбран Ландри не случайно, он как бы ставил эту почти незамеченную революцию рядом с Французской политической революцией, запомнившейся многими впечатляющими событиями [там же]. На это обращали внимание и другие авторы, например, Зденек Павлик, который ставил демографическую революцию в один ряд еще с одним великим историческим событием: «промышленной революции в экономическом развитии соответствует демографическая революция в развитии населения» [Pavlik 1964: 38]. Он писал, что «демографическая революция является составной частью комплексного исторического процесса, имеющего много сторон, причем далеко не является их пассивным продуктом, а играет во всем этом процессе свою самостоятельную и важную роль» [Павлик 1970: 51-52].

Мне кажется, что термин «революция» более соответствует совершенно особой, фундаментальной роли идущей на наших глазах демографической трансформации. Если мы признаем, что она действительно знаменует собой переход к новой репродуктивной стратегии вида *Homo sapiens*, то мы должны признать и то, что по своему общечеловеческому значению, по своим последствиям и по порождаемым ею глобальным рискам она превосходит любую политическую или экономическую революцию.

И все же проблема, конечно, не в термине. Проблема в понимании и признании единства и универсальности этой трансформации, предопределенности и неотвратимости ее этапов и тех поистине небывалых вызовов, на которые она требует ответа. Отсюда еще одна задача этой статьи: сопоставить два взгляда на демографический переход (демографическую революцию). Этот переход можно видеть как саморазвивающуюся «цепную реакцию», которая, раз начавшись, становится уже необратимой, проходящей через разные этапы, каждый из которых, в главных чертах, предопределен предыдущим и предопределяет последующий, – и так до завершения всего процесса. А можно, как это обычно и делается, видеть в этапах перехода лишь последовательность наблюдаемых изменений, каждое из которых имеет свои собственные «недемографические» детерминанты (экономические, социальные и прочие). Эти этапы, стало быть, не общеобязательны: они могут наблюдаться в одних странах и не наблюдаться в других, наблюдаться в Европе и не наблюдаться в Азии и т.д.

Сейчас исследователи, а тем более политики, как бы стараются не замечать единства мощного исторического потока, научное сознание перемежается обывательским «здравым

смыслом», концентрируется на отдельных участках этого потока, иной раз даже на мелких и случайных ответвлениях от него, предлагает рецепты, все достоинство которых заключается в том, что они легко понятны «человеку с улицы» и уменьшают его тревоги. Общественное мнение часто не видит связи между глобальными демографическими переменами и сиюминутными проблемами отдельной семьи или отдельной страны. А история, между тем, делает свое дело.

ЛИТЕРАТУРА

- Борисов В.А. (2007). Этюд по истории и философии контрацепции // В.А. Борисов Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. Избранные демографические труды. М.: NotaBene.
- Валлен Ж. (2005). Речь на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению в Туре, июль 2005 // Этнопанорама. №3-4.
- Вебер М. (1990). Основные социологические понятия // М. Вебер Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс.
- Вишневский А.Г. (1973). Демографическая революция // Вопросы философии. №2: 53-64.
- Вишневский А.Г. (1976). Демографическая революция. // М.: Статистика. Цитируется по изданию: Вишневский А.Г. (2005). Избранные демографические труды. Т.1. М.: Наука
- Вишневский А.Г. (1986). Процессы самоорганизации в демографической системе // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1985. М.: Наука: 233-245.
- Вишневский А.Г. (2005). Избранные демографические труды. Т.1. М.: Наука.
- Вишневский А.Г. (2008). Глобальные детерминанты низкой рождаемости // Синергетика. Будущее мира и России / Под ред. Г.Г. Малинецкого. Л.: Изд. ЛКИ: 71-91.
- Гузеватый Я.Н. (1980). Демографо-экономические проблемы Азии. М.: Наука.
- Каутский К. (1923). Размножение и развитие в природе и обществе. Соч., Т.12. Москва-Петроград: Госиздат.
- Маркс К., Ф. Энгельс (1948). Избранные произведения в 2 томах. Том II. М.: Госполитиздат.
- Омран А.Р. (1977). Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада / Под ред. Д.И. Валентя, А.П. Судоплатова. М.: Прогресс.
- Павлик З. (1970). Проблемы демографической революции // Studia demograficzne. №22-23.
- Полибий (1995). Всеобщая история в сорока книгах. Т.3. Кн. XXXVII, 9. М.: Наука.
- Хаджнал Д. (1979). Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость и семья за три века / Под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. М.: Статистика.
- Энгельс Ф. (1961). Предисловие к первому изданию работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // К. Маркс, Ф. Энгельс Соч., Т.21. М.: Политиздат.

- Ariès P. (1980). Two successive motivations for the declining birth rate in the West // *Population and Development Review*. 6(4): 645–650.
- Caldwell J.C. (1976). Toward a restatement of demographic transition theory // *Population and Development Review*. 2(3-4): 321–366.
- Caldwell J.C. (2006). *Demographic transition theory*. Springer.
- Chesnais J.-C. (1986). *La transition démographique* // INED. Travaux et documents. Cahiers №113. PUF.
- Coleman D. (2006). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition // *Population and Development Review*. 32(3): 401–446.
- Cowgill D.O. (1970). *Transition theory as a general population theory* // *Social Demography*. N.J.: Prentice-Hall, Englewood Cliffs: 627-633.
- Landry A. (1909). *Les trois théories principales de la population*. Scientia.
- Landry A. (1934). *La Révolution démographique*. Paris.
- Leridon H. et al. (1987). *La seconde révolution contraceptive: La régulation des naissances en France de 1950 à 1985* // Paris, INED. Travaux et documents. Cahier №117.
- Lesthaeghe R. (1983). A century of demographic and cultural change in Western Europe: An exploration of underlying dimensions // *Population and Development Review*. 9(3): 411–435.
- Lesthaeghe R. (2010). The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 36(2): 211–251.
- Lesthaeghe R., D.J. van de Kaa (1986). Twee demografische transitie? // D.J. van de Kaa, R. Lesthaeghe, eds. *Bevolking: Groei en Krimp*. Deventer: Van Loghum Slaterus: 9-24.
- Livi Bacci M. (1995). A propos de la transition démographique // *Transitions démographiques et sociétés*. Chaire Quetelet 1992. Sous la direction de D. Tabutin, T. Eggerickx, C. Gourbin. Louvain-la-Neuve: Academia - L'Harmattan : 449-457.
- MacArthur R.H., E.O. Wilson (1967). *The Theory of Island Biogeography*. Princeton.
- Marchal C. (2008). De la théorie géocentrique à la transition démographique: Comment meurt une théorie scientifique. URL: <http://desiebenthal.blogspot.fr/2008/11/krach-le-suicide-du-monde-jean.html> (дата обращения: 22.04.2014).
- Meslé F., J. Vallin (2002). *La transition sanitaire: tendances et perspectives* // *Démographie : analyse et synthèse*. Sous la direction de G. Caselli, J. Vallin et G. Wunsch. INRD. Vol.III. Chapitre 57.
- Notestein F. (1945). *Population – the long view* // T.W. Schultz, ed. *Food for the World*. Chicago: Chicago University Press: 37-57.
- Okólski M. (1999). *Migration pressures on Europe* // Working papers of the Institute for Social Studies, University of Warsaw. Seria: Prace migracyjne.
- Olshansky D.J., A.A. Brian (1986). The fourth stage of the epidemiologic transition: the age of delayed degenerative diseases // *The Milbank Quarterly*. 64(3): 355-391.
- Omran A.R. (1971). The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 49(4). Pt.1.
- Omran A.R. (2005). The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // *The Milbank Quarterly*. 83(4): 731-757.
- Pavlik Z. (1964). *Nástin populačního vyvoje světa*. Praha.

- Reher D.S. (2011). Economic and Social Implications of the Demographic Transition // Population and Development Review. 37 (Supplement): 11-33.
- Terris M. (1985). The changing relationships of epidemiology and society: The Robert Cruikshank lecture // Journal of Public Health Policy. 6.
- UN (2013-1). Department of Economic and Social Affairs. Trends in International Migrant Stock: The 2013 revision.
- UN (2013-2). Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2012 Revision. CD-ROM Edition.
- Van de Kaa D.J. (1987). Europe's second demographic transition // Population Bulletin. 42(1).
- Van de Kaa D.J. (1996). Anchored narratives: The story and findings of half a century of research into determinants of fertility // Population Studies. 50(3): 389-432.
- Van de Kaa D.J. (2003). Never a dull moment: on research prospects for Polish demographers // D.J. van de Kaa Doctor Honoris Causa of the Warsaw School of Economics.
- Van de Kaa D.J. (2010). Demographic transitions // Yi. Zeng, ed. Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography. Vol.1. Oxford: Eolss Publishers: 65-103.
- Vichnevski A. (1974). La révolution démographique// Problèmes de la population. Iie livraison. Problèmes du monde contemporain. 1(25): 121-133.
- Vishnevsky A. (1974). The demographic revolution // Population Problems. Issue Two. Problems of the Contemporary World. 1(26): 116-129.
- Vishnevsky A. (1991). Demographic revolution and the future of fertility: a systems approach // W. Lutz, ed. Future demographic trends in Europe and North America. London: Academic Press: 257-280.
- Vishnevsky A. (2004). Replacement migration: Is it a solution for the Russian Federation? // Policy responses to population decline and ageing. Population Bulletin of the United Nations. Special Issue. №44/45, 2002. UN. New York. (ST/ESA/SER.N44/45): 273-287
- Višnevskij A.G. (1980). Die demographische Revolutionen // Theorie und Methode III. Demographie. Einführung in die marxistische Bevölkerungswissenschaft. Frankfurt am Main. Herausgegeben vom Institut für Marxistische Studien und Forschungen (IMSF): 40-45.
- Wischnevski A.G. (1973). Die demographische Revolution // Sowietwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin. №6. 633-645.

THE DEMOGRAPHIC REVOLUTION IS CHANGING THE REPRODUCTIVE STRATEGY OF *HOMO SAPIENS* *

ANATOLY VISHNEVSKY

ANATOLY G. VISHNEVSKY. INSTITUTE OF DEMOGRAPHY, NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY «HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS». E-MAIL: avishnevsky@hse.ru. DATE RECEIVED: FEBRUARY 2014.

*The demographic revolution (the demographic transition) is changing the reproductive strategy of the species *Homo sapiens*. The whole evolution of life on Earth, including social evolution since the beginning of human society, has led to this triumph of the K-strategy of reproduction. This universal revolution has a crucial importance for the present stage of human history. The cause-and-effect relationship between economic, social and demographic changes is discussed and the interpretation of the changes in the mass reproductive or family behavior of people as primarily a direct consequence of economic, social or cultural shifts is contested. Such explanations of these changes are redundant, since the main changes in demographic behavior are a response to the necessity of restoring a demographic equilibrium upset by an unprecedented decline in mortality. At the same time, such explanations lead to an underestimation of the impact of demographic change on economic, social and cultural dimensions of the development of modern societies.*

The theory of the demographic transition in its present form hinders the vision of this transition as an integral stand-alone process that has its own internal determinants and at the same time has a powerful impact on all social processes, including processes at a global level. The global logic of demographic transition theory is opposed to the widespread local logic, according to which this theory must be justified by the experience of each state.

An attempt is made to overcome the current fragmentation in the description of the demographic transition, its splitting into multiple “transitions” and “revolutions”, and to consider it as a cohesive process, a sequence of inevitable major stages of a single global “chain reaction” initiated by an enormous decline in mortality.

Key words: *demographic transition; second demographic transition; third demographic transition; epidemiological transition; fertility; mortality; migration.*

* THE STUDY WAS IMPLEMENTED IN THE FRAMEWORK OF THE BASIC RESEARCH PROGRAM AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (HSE) IN 2013-2014.

REFERENCES

- Ariès P. (1980). Two successive motivations for the declining birth rate in the West // *Population and Development Review*. 6(4): 645–650.
- Borisov V.A. (2007). *Etyud po istorii i filosofii kontratseptsii [Study of the history and philosophy of contraception]* // V.A. Borisov, *Demograficheskaya dezorganizatsiya Rossii: 1897-2007. Izbrannyye demograficheskiye trudy [Demographic disorganization of Russia: 1897-2007. Selected demographic works]*. Moskva: Nota Bene.
- Caldwell J.C. (1976). Toward a restatement of demographic transition theory // *Population and Development Review*. 2(3-4): 321–366.
- Caldwell J.C. (2006). *Demographic transition theory*. Springer.

- Chesnais J.-C. (1986). La transition démographique //INED. Travaux et documents. Cahiers №113. PUF.
- Coleman D. (2006). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition // Population and Development Review. 32(3): 401–446.
- Cowgill D.O. (1970). Transition theory as a general population theory // Social Demography. N.J.: Prentice-Hall, Englewood Cliffs: 627-633.
- Engels F. (1961). Predisloviye k pervomu izdaniyu raboty «Proiskhozhdeniye sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva» [Origins of the family, private property, and the state. Preface to the first edition] //Marks K., F.Engels. Sochinenia [Collected works], Vol.21. Moskva: Politizdat.
- Guzevatyy Y.N. (1980). Demografo-ekonomicheskiye problemy Azii [Demographic and economic problems of Asia]. Moskva: Nauka.
- Hajnal J. (1979). Yevropeyskiy tip brachnosti v retrospektive [European marriage patterns in perspective] // A.G. Vishnevsky, I.S. Kon, eds. Brachnost', rozhdayemost' i sem'ya za tri veka [Marriages, fertility and family for three centuries]. Moskva: Statistika.
- Kautsky K. (1923). Razmnozheniye i razvitiye v prirode i obshchestve [Reproduction and development in nature and society]. Sochinenia [Collected works], Vol.12. Moskva-Petrograd: Gosizdat.
- Landry A. (1909). Les trois théories principales de la population. Scientia.
- Landry A. (1934). La Révolution démographique. Paris.
- Leridon H. et al. (1987). La seconde révolution contraceptive: La régulation des naissances en France de 1950 à 1985 // Paris, INED. Travaux et documents. Cahier №117.
- Lesthaeghe R. (1983). A century of demographic and cultural change in Western Europe: An exploration of underlying dimensions // Population and Development Review. 9(3): 411–435.
- Lesthaeghe R. (2010). The unfolding story of the second demographic transition // Population and Development Review. 36(2): 211–251.
- Lesthaeghe R., D.J. van de Kaa (1986). Twee demografische transitie's? // D.J. van de Kaa, R. Lesthaeghe, eds. Bevolking: Groei en Krimp. Deventer: Van Loghum Slaterus: 9-24.
- Livi Bacci M. (1995). A propos de la transition démographique // Transitions démographiques et sociétés. Chaire Quetelet 1992. Sous la direction de D. Tabutin, T. Eggerickx, C. Gourbin. Louvain-la-Neuve: Academia - L'Harmattan : 449-457.
- MacArthur R.H., E.O. Wilson (1967). The Theory of Island Biogeography. Princeton.
- Marchal C. (2008). De la théorie géocentrique à la transition démographique: Comment meurt une théorie scientifique. URL: <http://desiebenthal.blogspot.fr/2008/11/krach-le-suicide-du-monde-jean.html> (дата обращения: 22.04.2014).
- Marks K., F. Engels (1948). Izbrannyye proizvedeniya v 2 tomakh. Tom II [Selected Works in 2 volumes. Volume II]. Moskva: Gospolitizdat.
- Meslé F., J. Vallin (2002). La transition sanitaire: tendances et perspectives // Démographie : analyse et synthèse. Sous la direction de G. Caselli, J. Vallin et G. Wunsch. INED. Vol.III. Chapitre 57.
- Notestein F. (1945). Population – the long view // T.W. Schultz, ed. Food for the World. Chicago: Chicago University Press: 37-57.

- Okólski M. (1999). Migration pressures on Europe // Working papers of the Institute for Social Studies, University of Warsaw. Seria: Prace migracyjne.
- Olshansky D.J., A.A. Brian (1986). The fourth stage of the epidemiologic transition: the age of delayed degenerative diseases // *The Milbank Quarterly*. 64(3): 355-391.
- Omran A.R. (1971). The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 49(4). Pt.1.
- Omran A.R. (2005). The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // *The Milbank Quarterly*. 83(4): 731-757.
- Omran A.R. (1977). Epidemiologicheskiiy aspekt teorii yestestvennogo dvizheniya naseleniya [Epidemiological aspects of the theory of natural movement of the population] // D.I. Valentey, A.P. Sudoplatov, eds. *Problemy narodonaseleniya. O demograficheskikh problemakh stran Zapada* [Population Problems. On the demographic problems of the West]. Moskva: Progress: 57-91.
- Pavlik Z. (1964). *Nástin populačnho vyvoje světa*. [Outline of the World population development]. Praha.
- Pavlik Z. (1970). *Problemy demograficheskoy revolutsii* [Problems of demographic revolution] // *Studia demograficzne* [Demographic studies]. №22-23.
- Polybius. (1995). *Vseobshchaya istoriya v soroka knigakh* [The Histories]. Vol.III, XXXVII, 9. Moskva: Nauka
- Reher D.S. (2011). Economic and Social Implications of the Demographic Transition // *Population and Development Review*. 37 (Supplement): 11-33.
- Terris M. (1985). The changing relationships of epidemiology and society: The Robert Cruikshank lecture // *Journal of Public Health Policy*.6.
- UN (2013-1). Department of Economic and Social Affairs. Trends in International Migrant Stock: The 2013 revision.
- UN (2013-2). Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Population Prospects: The 2012 Revision. CD-ROM Edition.
- Van de Kaa D.J. (1987). Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 42(1).
- Van de Kaa D.J. (1996). Anchored narratives: The story and findings of half a century of research into determinants of fertility // *Population Studies*. 50(3): 389-432.
- Van de Kaa D.J. (2003). Never a dull moment: on research prospects for Polish demographers // D.J. van de Kaa Doctor Honoris Causa of the Warsaw School of Economics.
- Van de Kaa D.J. (2010). Demographic transitions // Yi. Zeng, ed. *Encyclopedia of life support systems (EOLSS). Demography*. Vol.1. Oxford: Eolss Publishers: 65-103.
- Vichnevski A. (1974). La révolution démographique// *Problèmes de la population*. Iie livraison. *Problèmes du monde contemporain*. 1(25): 121-133.
- Vishnevskiy A. (1973). Demograficheskaya revolutsiya [The demographic Revolution] // *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. №2: 53-64.
- Vishnevskiy A. (1986). Protssy samoorganizatsii v demograficheskoy sisteme [Self-organization in the demographic system] // *Sistemnyye issledovaniya. Metodologicheskkiye problemy* [System study. Methodological problems]. *Yezhegodnik (Yearbook)*. 1985. Moskva: Nauka: 233-245.

- Vishnevskiy A. (2005). Izbrannyye demograficheskiye trudy [Selected demographic works]. Vol.1. Moskva: Nauka.
- Vishnevsky A. (1974). The demographic revolution // Population Problems. Issue Two. Problems of the Contemporary World. 1(26): 116-129.
- Vishnevsky A. (1991). Demographic revolution and the future of fertility: a systems approach // W. Lutz, ed. Future demographic trends in Europe and North America. London: Academic Press: 257-280.
- Vishnevsky A. (2004). Replacement migration: Is it a solution for the Russian Federation? // Policy Responses to Population Decline and Ageing. Population bulletin of the United Nations. Special Issue. №44/45: 273-287 (ST/ESA/SER.N44/45).
- Višnevskij A.G. (1980). Die demographische Revolutionen // Theorie und Methode III. Demographie. Einführung in die marxistische Bevölkerungswissenschaft. Frankfurt am Main. Herausgegeben vom Institut für Marxistische Studien und Forschungen (IMSF): 40-45.
- Weber M. (1990). Osnovnyye sotsiologicheskiye ponyatiya [Basic concepts of sociology] // Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow: Progress.
- Wischnevski A.G. (1973). Die demographische Revolution // Sowietwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge. Berlin. №6. 633-645.